

Кузнец-святоша / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy, Satiriki hekaýalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Кузнец-святоша / рассказ КУЗНЕЦ-СВЯТОША

У Нязик-эдже сломался кетмень. Нязик-эдже работала в поле, когда случилась с ней эта беда, и она сказала другим колхозницам:

– Побегу к Баллы-мулле, надо поскорее починить кетмень.

Она вышла на дорогу и зашагала к аулу.

«Чтоб ему пусто было! – думала добрая Нязик-эдже, все ускоряя и ускоряя шаг, и мысль эта относилась не к кому другому, как к тому самому Баллы-мулле, к дому которого сейчас лежал ее путь. – Хуже нет обращаться к нему за каким-нибудь делом. Станешь просить, чтобы поскорее сделал, а он в ответ наплетет кучу всякого вздора, а потом скажет: «К чему такая спешка, почтенная Нязик-эдже? Я завален заказами, голубушка. Приходи завтра». Ему все равно, а я без этого кетменя как без рук: он такой легкий, с ним работа лучше спорится».

Нязик-эдже углубилась в свои думы и не заметила шедшего ей навстречу соседа Куллы, а когда тот ее окликнул, вздрогнула и остановилась, как вкопанная.

– Так это ты, Нязик-эдже! А я смотрю, кто это пыль подымает... Все – в поле, а ты – с поля? Что случилось?

– Ах, Куллы-джан, кетмень у меня сломался. Иду к Баллы-мулле и, знаешь, ума не приложу, как уговорить его поскорее починить мой кетмень.

Куллы достал папироску, закурил.

– Зачем же его уговаривать? – сказал он, выпуская клубы дыма. – На то он и кузнец, чтобы чинить.

– Да ведь как на него найдет, а то вон что с кетменем моей дочки было – четыре дня продержал его Баллы-мулла.

– Бывает, что и враз починит, – многозначительно сказал Куллы.

– Ах, Куллы-джан, – пропела Нязик-эдже, сразу смекнув, что Куллы хочет подать ей добрый совет. – Посоветуй, пожалуйста, как бы мне его уломать. Это верно, что иной раз он быстро

делает. Как видно, нет у меня к нему подхода.

Куллы рассмеялся.

– Неужто ты до сих пор не раскусила этого святошу? – спросил он. – Научить тебя, как нужно с ним разговаривать?

– Научи, Куллы-джан, будь так добр, научи, – сказала Нязик-эдже и даже подошла поближе.

– Ну, слушай, – сказал Куллы. – Ты сначала попроси его попросту: почини, дескать, мой кетмень. Если же он начнет отлынивать, ты действуй по такому плану: прежде всего похвали его искусство, затем побрани его жену и, наконец, заведи с ним разговор о какой-нибудь пригожей девушке из нашего аула – увидишь, он сразу растает и живехонько отремонтирует твой кетмень. У этого богобоязненного человека далеко не одни молитвы на уме.

Нязик-эдже увидела, что ей просто повезло. Сама удача послала ей навстречу Куллы. И верно: никто у нас в ту пору не раскусил по-настоящему этого кузнеца, который корчил из себя степенного и доброжелательного отца семейства, набожного и богобоязненного, а сам совсем не то держал в мыслях. Потом-то все узнали, что он был человеком себе на уме. Но хитрый и проницательный Куллы сумел раньше других распознать кузнеца и проникнуть в его сокровенные мечты. Для него было не секрет, что последнее время Баллы-мулла страшно о себе возомнил, стал тяготиться своей женой, с которой прожил немало лет, и начал поглядывать своими кабаньими глазками на молоденьких и хорошеньких девушек нашего аула.

От души поблагодарив Куллы, Нязик-эдже, исполненная надежды, отправилась дальше.

Кузнец Баллы был уже немолод. Среднего роста, дородный, с бледным, одутловатым лицом, обрамленным черной бородкой, он держался очень важно и носил длинную белую рубаху и широченные белые штаны, с которыми не расставался с ранней весны до глубокой осени. В одном кармане у него всегда лежала гребенка, в другом – аптечная баночка, предметы, необходимые, на его взгляд, для ухода за бородой, которую он то и дело расчесывал и, чтобы придать ей блеск, смазывал вазелином.

Про этого кузнеца у нас в колхозе говорили, что он святоша.

Причиной этому послужило отчасти то, что прежде Баллы был муллой. Когда же его топор в этом ремесле иступился, то есть, попросту говоря, стало его дело никому не нужным, избрал он себе другое занятие. Сперва начал насекал зубья у серпов, затем приделывать ушки к монетам для женских украшений, а затем наловчился и мотыги ковать. Теперь он уже работал кузнецом в нашем колхозе, но по-прежнему напускал на себя набожность, и поэтому, хотя он уже давно не был муллой, кличка «Мулла» так за ним и утвердилась.

Кузнец Баллы-мулла, наряду с прочими своими качествами, был еще непревзойденный хвастун. Стоило ему сделать кетмень, как его начинало распирает от гордости. Послушать его, так никто на свете не делал таких кетменей. Что говорить, кому не случалось похвалиться своим искусством, да и прихвастнуть ненароком, но все-таки можно поручиться, что кузнец Баллы-мулла в смысле самовосхваления не знал себе равных и легко вышел бы победителем из любого состязания хвастунов.

Нязик-эдже свернула с дороги в узенькую улочку и, пройдя вдоль дувала, зашла во двор кузницы.

– Привет тебе, дорогой мастер, – с поклоном молвила Нязик-эдже, став в дверях.

Баллы-мулла, оторвав глаза от кузнечного меха, хмуро глянул через плечо на почтенную Нязик и проворчал ответное приветствие. Потом, не обращая на нее больше внимания, стал сгребать угли. Раздув огонь, он подошел к наковальне и, вытирая пот со лба, спросил:

– Что тебе нужно, уважаемая?

– Да вот беда – кетмень сломался. Уж ты будь добр, дорогой мастер, почини поскорей, а то без кетменя сам понимаешь, никак невозможно.

– Ну что ж, оставь кетмень, завтра-послезавтра зайдешь.

Нязик-эдже прислонила кетмень к стене, переминаясь с ноги на ногу, стала припоминать советы Куллы. Сперва взгляд ее растерянно перебегал с предмета на предмет, а затем, подняв с земли новый кетмень, лежавший возле наковальни, она сделала вид, что внимательно рассматривает его со всех сторон.

– Вот это кетмень так кетмень! – воскликнула она с притворным

восхищением. – Не иначе, как это ты его смастерил. Ну еще бы! Чьи же руки еще могут создать такое чудо! Вот хотелось бы мне иметь такой кетмень!

Баллы-мулла покосился на нее, но ничего не сказал, а Нязик-эдже принялась расхваливать кетмень еще пуще.

Наконец кузнец не выдержал.

– С благословения божия, я плохих вещей не делаю, – важно изрек он, надуваясь от спеси, как петух. – Погляди хоть на это ведро; если даже через сто лет из этого ведра выскочит дно, пусть и тогда глаза у меня выскочат.

– Вай, что за ведро! – подхватила Нязик-эдже. – Это всем ведрям – ведро... Какое там на сто лет – ты сделал его на веки вечные!

Не зная, что бы еще такое прибавить, Нязик-эдже огляделась кругом и заметила в углу кузницы ржавый, сломанный велосипед.

– Неужели ты и такую старую рухлядь починить можешь? – вне себя от изумления произнесла Нязик-эдже и даже глаза вытаращила. Баллы-мулла самодовольно усмехнулся.

– Да из этой старой рухляди я сделаю такую машину, что она будет летать, как на крыльях.

– Ну, дорогой мастер, значит, правду про тебя говорят, что ты можешь оживить железо, вдохнуть в него душу. Да, дивлюсь я на Бибиджамал, подумать только – не оценить такого мужа, который стоит дороже золота... Другая на ее месте тебя бы на руках носила.

– Ох, почтенная Нязик-эдже, – с дрожью в голосе промолвил бывший мулла, – прошу тебя, не касайся этого больного для меня вопроса...

– И как это женщины не ценят того, что имеют, – словно не слыша его слов, продолжала лукавая Нязик-эдже. А другие-то – и молоденькие и хорошенькие, верно за счастье почли бы заполучить такого мужа...

Тут уж Баллы-мулла даже работу оставил.

– Дай-ка я посмотрю твой кетмень, добрая Нязик-эдже, – сказал он и, взяв кетмень, повертел его в руках. – Да тут и делать-то почти нечего.

– Конечно, конечно, для такого мастера, как ты, работа

пустячная.

Кузнец выбил из кетменя черенок, раздул огонь и бросил кетмень в горн.

– А скажите мне, добрая Нязик-эдже, если бы я был холост, к какой девушке нашего аула посоветовала бы ты мне присвататься? – осторожно спросил он.

– Ну, что до этого... Разве мало у нас хороших девушек! А впрочем, есть одна... пожалуй, всех других краше.

– Дорогая Нязик-эдже, присядь здесь на кошму, выпей чайку с благословения божия, пока я буду чинить твой кетмень...

Баллы-мулла оставил мехи, подошел к двери, ведущей во внутренний дворик, и позвал игравшую во дворе дочку.

– Сбегай домой, принеси чаю и пиалу, – приказал он. – Да поживее.

– Спасибо, дорогой мастер, только мне чай-то пить недосуг, надо на окучивание поспеть, – сказала Нязик-эдже. – Ты уж почини, пожалуйста, поскорее мой кетмень.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Баллы-мулла, снова берясь за мехи и добавил скороговоркой:

– Про какую это девушку повела ты речь, дорогая Нязик-эдже? Объясни пожалуйста. А я тем временем с благословения божия починю твой кетмень на славу.

– Зашла я в ковроткацкую артель – уж и не припомню сейчас, зачем, – начала Нязик-эдже, но тут дверь отворилась, и в кузницу вошла дочка кузнеца с чайником и пиалой в руках. Баллы-мулла приложил палец к губам, и Нязик-эдже умолкла на полуслове.

Девочка поставила на кошму чайник и пиалу и молча вышла. Нязик-эдже расположилась поудобнее, налила себе чаю и продолжала рассказ.

– Зашла я в ковроткацкую артель – уж и не припомню сейчас, зачем, – начала Нязик-эдже, но тут дверь отворилась, и в кузницу вошла дочка кузнеца с чайником и пиалой в руках. Баллы-мулла приложил палец к губам, и Нязик-эдже умолкла на полуслове.

Девочка поставила на кошму чайник и пиалу и молча вышла. Нязик-эдже расположилась поудобнее, налила себе чаю и

продолжала рассказ.

– Зашла я в артель и увидела там девушку не из нашего села. Красавица – глаз не отведешь. Стройная, как лошадка, косы – ниже пояса, а уж улыбка... От такой улыбки ночью станет светло, как днем...

Так расписывала неизвестную красавицу Нязик-эдже, а Баллы-мулла, слушая ее рассказы, от волнения чуть не лишился рассудка. Он метался между горном и наковальней и бестолку хватался то за молот, то за клещи. Еле нашел в себе силы вымолвить:

– Ох, голубушка Нязик-эдже, ты словно заглянула мне в душу. Сдается мне, что ты говоришь про ту самую девушку, что видел я на днях, проходя мимо ковровой мастерской... Очень она мне приглянулась. Не знаешь ли ты, кто она такая?

– Знаю, как не знать. Это новый председатель артели, она неделю назад приехала к нам из района. Зовут ее Гюзель. Готов ли мой кетмень, дорогой мастер?

– Готов, готов, голубушка, – сказал кузнец, насаживая кетмень на черенок. – Получай. Совсем как новый.

– Спасибо, дорогой мастер! Желаю тебе, чтобы твои руки, ноги никогда не испытали болезни.

– Спасибо и тебе на добром слове... А не можешь ли ты, милая Нязик-эдже, познакомить меня с этой девушкой, с этой прекрасной Гюзель?

– Ах, уважаемый мастер, я бы с радостью помогла тебе в этом деле, да ведь я сама с ней не знакома. Я тебе вот что посоветую: пойди-ка ты к жене Аннапилпила. Ручаюсь, что она тебе поможет, если только ты сумеешь ее уговорить. Сначала она, конечно, будет отнекиваться, скажет, верно, что вовсе с этой девушкой не знакома, да ты не верь, не отставай от нее, пока не уговоришь.

А жена Аннапилпила считалась в ауле своего рода «телефонной станцией». Стоило ей услышать какую-нибудь новость, как она бросалась трезвонить о ней по всему околотку. Не попьет, бывало, не поест, не вымоется и головы не причешет, пока не оповестит всех колхозников о случившемся.

Итак, подав этот ядовитый совет, Нязик-эдже вскинула на плечо

свой кетмень, вышла из кузницы и, не мешкая, направилась на хлопковое поле, а Баллы-мулла поглядел ей вслед и подумал: «Какая славная женщина! Превосходная женщина, оказывается, и в нашем ауле есть умные люди, с которыми можно потолковать по душам».

В этот день из рук кузнеца не вышло ни одной сколько-нибудь стоящей вещи. Да он и не работал весь день. Где ему было работать, когда его каждую минуту тянуло посмотреть в зеркало! До самого вечера Баллы-мулла предавался сладким мечтам и что-то все время напевал себе под нос.

Промечтав так до конца рабочего дня, он закрыл кузницу и направился в кооператив купить чая. Но и по дороге он то и дело вытаскивал из кармана гребенку и расчесывал бороду.

Спесивый и важный, выпятив живот, ступил Баллы-мулла в кооператив и – бывают же на свете такие совпадения! – прямо перед собой увидел тоненькую, стройную девушку в шелковом красном кетени. На голове у девушки была накинута легкая, как облачко газовая шаль, из-под которой выбегали две тугие черные косы.

Баллы мулла замер на пороге, потом подошел поближе и стал довольно бесцеремонно разглядывать девушку. Несомненно, это была та самая красавица, которую еще сегодня утром так расписывала ему Нязик-эдже. А Гюзель, – это действительно была она, – заметив, что какой-то толстяк не сводит с нее глаз, отвернулась и, раздосадованная, отошла к другому прилавку.

Баллы-мулла властным мановением перста поманил к себе одного из продавцов.

– Отпусти мне полкилограмма чая, – громко и важно молвил он и добавил, понизив голос:

– Кто эта с косами? Ты не знаешь ее?

– Это председатель нашей ковроткацкой артели, – сказал продавец и, как показалось кузнецу, усмехнулся.

Баллы-мулла извлек из кармана объемистую пачку денег, отставил ее от себя подальше, так, чтобы, всем видно было, как он богат, и начал с треском пересчитывать новенькие бумажки, предварительно послюнив большой палец. Отсчитав нужную сумму и получив сверток и сдачу, Баллы-мулла сделал вид, что

направляется к выходу, но, дойдя до середины кооператива, остановился и, заложив руки за спину, принялся за изучение выставленных на полках товаров. При этом он каждую секунду искоса поглядывал на Гюзель. В уме его зрели планы – один другого фантастичнее, как бы ему познакомиться с девушкой.

В это время вошел еще один покупатель. Это был учитель Чары, и он направился не к прилавку, а прямо к Гюзель. От ревнивого взгляда Баллы-муллы не укрылось, что Чары при этом широко и радостно улыбался, а лицо Гюзель светилось ответной улыбкой.

Баллы-мулла напряг слух. Разговор, по-видимому велся самый безобидный – о каких-то чайниках, мисках, пиалах, ложках... Но Баллы-мулла уловил все же одну загадочную фразу: «Ты смотри, чтобы все было парное...» – негромко произнес Чары, в ответ на что Гюзель рассмеялась.

От волнения и нетерпения Баллы-мулла топтался и приплясывал на месте, точно ему под ноги насыпали горячих углей. Наконец, видя, что Чары и Гюзель так заговорили, словно и не собираются расставаться, Баллы-мулла решил действовать напролом. Решительным шагом подошел он к беседовавшей в углу парочке, и, протягивая Чары руку, произнес:

– Здравствуй, Чары. Извини, сделай милость, что я тебя не сразу приметил.

Сказав это, Баллы-мулла обратился к Гюзель и уже вознамерился и ей протянуть руку, но под недоумевающим взглядом девушки какая-то странная робость сковала его вдруг, и он ограничился поклоном и льстивой улыбкой.

Однако ни Гюзель, ни Чары даже не поглядели на бывшего муллу и снова заговорили о своих делах. Но и после этого Баллы-мулла не мог понять, что он здесь лишний. И снова, заложив руки за спину, он уставился на полки с товарами. Тем временем Чары, извинившись перед Гюзель, подошел к прилавку, купил флакон одеколona, положил его в карман и, возвратясь к Гюзель, сказал:

– Давай я помогу тебе донести покупки, – после чего они вместе вышли из кооператива.

Баллы-мулла направился за ними. Остановившись в дверях; он посмотрел им вслед.

– Эти учителя – самое злобное племя! – пробормотал обозленный своей неудачей кузнец. – Хорошеньким девушкам от них просто спасенья нет. Безобразия!

Возвратясь домой, Баллы-мулла напился чаю, всласть побранившись при этом с женой (последнее время ни одно чаепитие в этом доме не протекало без ссор), а когда стемнело, направился к дому Аннапилпила.

Жену Аннапилпила звали Акджамал.

Второй такой грязнухи не сыскать не только у нас в селе, а, пожалуй, на много километров вокруг. Начать с того, что волосы у этой особы, всегда невымытые и непричесанные, видом своим более всего напоминали грязную кошму. Акджамал, с тех пор как я ее помню, покрывала их все той же старой тибетейкой, которая держалась у нее на темени с помощью какой-то ветхой, полуистлевшей тряпицы, когда-то, видимо, именованной косынкой, но давно уже успевшей потерять право на это наименование. Под старую тибетейку и косынку была и остальная одежда Акджамал, прикрывавшая ее длинное костлявое тело. К тому же Акджамал предпочитала ходить босиком, и по улицам нашего аула вечно мелькали ее черные, заскорузлые, потрескавшиеся от грязи пятки. Не подумайте только, что это объяснялось ее скупостью или тем, что у Акджамал не было достатка. Какое там! Все дело было в том, что обуваться – это ведь требует времени, а вот времени-то у Акджамал и не было. Ведь, помимо всех обычных колхозных работ и домашнего хозяйства, у Акджамал была еще одна огромная и весьма хлопотная нагрузка: каждую свободную минуту – а в свободный день так и всю первую половину дня – Акджамал носилась по аулу в поисках новостей, а вся вторая половина дня уходила у нее на то, чтобы довести раздобытые ею новости до сведения тех, кто о них еще не слышал. Так протекал день. Ну, а ночью, хочешь – не хочешь, спать надо.

Словом, трудная жизнь была у Акджамал. Думается, что кроме Акджамал, не было на свете человека, который мог бы справиться с такой работой. А может быть, я ошибаюсь? Может быть, и в вашем селе есть такие же подвижницы, как Акджамал?

Тот день, о котором веду я свой рассказ, был полон неудач для

Акджамал. Долго бегала она по селу, а домой вернулась ни с чем. Ни одной сколько-нибудь стоящей новости! А то, что удалось ей уловить краем уха, было настолько мелко и ничтожно и настолько недостоверно, что многоопытная Акджамал решила этими слухами пренебречь. Сказать по правде, Акджамал уже не раз довольно чувствительно обжигалась на таких слухах.

Сумрачная, невеселая, сидела вечером Акджамал на кошме перед кибиткой, вытянув ноги. Она сегодня не стала даже ужинать, и чайник с чаем понапрасну стыл перед ней, – Акджамал до него не дотронулась. Аннапилпил, муж Акджамал, сидел рядом и, облокотившись о подушку, мирно попивал чай и поглядывал на свою расстроенную супругу.

– О чем грустишь, любимая? – участливо спросил Аннапилпил. – Неужто труды целого дня пропали даром? Неужто в наших местах совсем иссякли темы для сплетен? Или собранные тобой новости, как на грех, оказались лживыми?

– Ах, что ты понимаешь в этих делах! – с досадой огрызнулась Акджамал, поворачиваясь к мужу спиной.

– Ты права: ты как всегда права, моя радость. Где уж мне разобраться в таком сложном хозяйстве! Но у меня так болит душа из-за твоей неудачи, что я, пожалуй, пойду сейчас поброжу по соседям. А вдруг услышу какую-нибудь новость для твоего утешения!

С этими словами Аннапилпил встал и вышел за дувал, а жена его, утомленная дневными трудами, прилегла на кошму, вся во власти своих безотрадных дум. Прошло минут двадцать. И вдруг за воротами раздался собачий лай, а затем до Акджамал донесся голос кузнеца:

– Пошла, пошла вон, негодная! – кричал Баллы-мулла, отгоняя собаку. – Аннапилпил! Позови своего пса!

Акджамал взвилась с кошмы и бросилась к воротам.

– Милости прошу, милости прошу, Баллы-ага! – вскричала она, отпихивая ногой собаку. – Входи, пожалуйста! Аннапилпила нет дома, но он скоро придет.

Акджамал усадила гостя, налила ему чаю.

Баллы-мулла, сняв галоши, ступил на кошму, принял из рук Акджамал пиалу и придвинул к себе поближе чайник.

– А где же твой муж, Акджамал-эдже?

– Он пошел ненадолго к соседям.

Акджамал вынесла из кибитки довольно черствые лепешки и положила их перед кузнецом. Баллы-мулла, попивая чай, повел беседу издалека. Акджамал внимательно слушала, кивала, где нужно, головой, где нужно поддакивала и жадно ждала «главного». Она сразу почуяла, что кузнец пришел неспроста, и этот разговор – лишь необходимое, требуемое приличием, вступление.

И вот Баллы-мулла сказал:

– Акджамал, у меня есть к тебе поручение.

Акджамал вздрогнула и вся обратилась в слух. Но кузнец больше ничего не прибавил, и Акджамал сказала:

– С радостью, Баллы-мулла, приму его на себя и выполню, если будет оно мне под силу. – И, не удержавшись, прибавила: – Говори же, дорогой Баллы-ага, я тебя слушаю.

– Скажи мне, почтенная Акджамал, не знакома ли ты случайно с нашим председателем ковроткацкой артели?

– Нет... да... немножко знакома, – осторожно ответила Акджамал. – Это ты говоришь про ту девушку, что пила городскую воду?

– Про эту самую, про эту самую...

– И чего же ты хочешь, дорогой мастер?

Баллы-мулла помолчал, придвинулся поближе к Акджамал и вдруг произнес:

– Я подарю тебе халат, если ты с божьей помощью украдешь ее для меня.

Акджамал остолбенела. Чего-чего только не приходилось ей слышать на своем веку, но такого она еще отродясь не слыхала. «Уж не сошел ли он с ума?» – промелькнуло у нее в голове. Однако диковинное это предложение требовало ответа, и Акджамал нашла в себе силы пролепетать:

– У вас борода, дорогой мастер... У вас жена... дети...

– Я разведусь! – неожиданно для самого себя выпалил Баллы-мулла. – Мы... это самое... не сошлись характерами. А моя борода тебя не касается.

Акджамал тем временем уже овладела собой и собралась с мыслями...

– Ну, конечно, дорогой Баллы-ага, – промолвила она. – Каждый строит свою жизнь по своему вкусу, я бы непременно выполнила для тебя это поручение, да вот беда – с девушкой-то я почти не знакома. Впрочем, дам тебе хороший совет. Я знаю женщину, которая, несомненно, с большой радостью и охотой возьмется за это важное дело и выполнит его без особого труда.

– Кто же это, кто?

– Не теряя времени, спеши к матери Эссена. Лучшей помощницы в таком деле тебе не найти.

Если бы в эту минуту вы могли заглянуть в душу Акджамал, вы бы поняли, что почтенная женщина едва удерживается, чтобы не пуститься от радости в пляс. Такое удачное окончание такого неудачного дня! И как она это здорово придумала! Секрет был в том, что мать Эссена, сухая, строгая, сердитая старуха, вечно и в глаза и за глаза бранила Аннапилпила, и неудивительно, что Акджамал немного ее недолюбливала.

– Хорошо, я сейчас же последую твоему совету, Акджамал-эдже, – поднимаясь с кошмы, сказал Баллы-мулла. – Но предупреждаю тебя: разговор этот должен остаться между нами.

– Будь спокоен, дорогой Баллы-ага. Ты же знаешь: Акджамал нема, как могила.

– Будь спокоен, дорогой Баллы-ага. Ты же знаешь: Акджамал нема, как могила.

Баллы-мулла надел калоши и направился к воротам, боязливо озираясь на собаку.

– Ничего, ничего, Баллы-ага, не бойся, я придержу пса, – сказала ему вдогонку Акджамал, которой теперь уже не терпелось, чтобы гость поскорее ушел.

Оставшись одна, Акджамал села и с упоением стала перебирать в уме всех колхозников, подыскивать, к кому бы первому броситься ей поутру с этой поразительной новостью. Она бы уже и сейчас ринулась к соседям, но они, как видно, легли спать – в окнах не было света. Приходилось скрепя сердце ждать утра.

Акджамал не сиделась на месте. Она вставала, садилась, снова вставала. Волнение ее было столь велико, что она едва нашла в себе силы лечь в постель. Да и в постели долго не могла уснуть. За ночь она хорошо продумала новость, которую наутро

собиралась преподнести всему селу, добавив, разумеется, при этом от себя кое-какие существенные «подробности».

А Баллы-мулла, выйдя из дома Акджамал, напрямик направился к матери Эссена и немало напугал эту почтенную женщину таким поздним посещением. Вообразите же себе ее изумление и гнев, когда она услышала из уст кузнеца о цели его прихода!

Вернувшись домой ни с чем, Баллы-мулла улегся спать, но и ему не спалось в эту ночь, сон бежал от его глаз. Ворочаясь под своим верблюжьим одеялом, Баллы-мулла думал:

«Пойду-ка я завтра сам в артель. Накую ножичков для ковротканья и пойду... Гюзель увидит ножички и подойдет поговорить со мной. «Дорогой уста-ага, – скажет она своим певучим голоском, – какие чудесные ножички! Как я рада, что ты заглянул к нам в артель. Очень тебя прошу, поточи нам ножницы, отремонтируй поломанные гребни...» А я тут приложу руку к сердцу и молвлю: «О прелестная Гюзель! Приказывай! Ты только приказывай, а я сделаю все, что ты велишь!»

От этих мыслей сладкая истома разлилась у толстого кузнеца по всему телу, он, наконец, уснул.

Продрав глаза с первым рассветным лучом, Баллы-мулла наскоро поел и отправился в кузницу. Оставив без внимания все прочие заказы, он принялся ковать ножички. До обеда сделал шесть неплохих ножичков, из которых два были даже лучше других – над отделкой их он особенно потрудился. Один из них предназначался для Гюзель, другой – для Огульбике. Эта молоденькая женщина из ковроткацкой артели давно пользовалась симпатией кузнеца. Положив ножички на полку, он закрыл кузницу и пошел домой.

Дома жена уже собирала обед, но Баллы-мулла от волнения совсем лишился аппетита. Он вынул из ковровой сумки небольшое зеркальце, ножницы и пинцет и вышел из дома. Присев прямо на солнцепеке на крылечко, он принялся волосок за волоском выдергивать бороду, которая буйно и беспорядочно росла у него на подбородке и на щеках. Совсем уничтожить это волосяное украшение Баллы-мулла, однако, не решился, а остальную укоротил ножницами. Все же от этой операции лицо его изменилось до неузнаваемости.

Провозившись с бородой около часа, Баллы-мулла, наконец,

удовлетворенно вздохнул: кинул на себя последний взгляд в зеркало и поднялся с крылечка. В это время дверь дома отворилась, и старшая дочка Баллы-мулла, высунув наружу голову, спросила:

– Отец, ты почему обедать не идешь?

– Обедайте сегодня без меня, я занят, – сказал Баллы-мулла важно. Он наполнил водой кумган, у мы лея и вымыл голову. Потом вошел в дом, достал полотенце, утерся, и, расчесав остатки своей бороды, смазал их вазелином. Его жена и дети уже сидели за обедом. Бибиджемал спросила:

– Почему ты не обедаешь, Баллы?

Но тут взор ее упал на его бороду, и она схватилась за ворот, что, как известно, служит в наших краях выражением крайнего изумления и ужаса.

– Что ты наделал, Баллы! Побойся бога! Постыдись людей! Что это за клочки шерсти торчат у тебя на подбородке? Где твоя борода? К лицу ли тебе такое? Засмеют тебя колхозники!

– Ну и пусть. Разве я не хозяин своей бороды? Сегодня я стал ею недоволен и пожелал укоротить, а завтра, может и совсем истреблю.

– Ну, ну... Дело твое. Только всем нам за тебя неловко как-то. Баллы-мулла молча натягивал на ноги новые коричневые полуботинки.

– Куда это несет тебя нечистая сила? – заметив его усилия спросила Бибиджамал. – Чего ты наряжаешься?

– Я приглашен в гости, – спесиво сказал Баллы-мулла. – Достань мне новую рубашку и штаны.

– Вот оно что! – сказала Бибиджамал. – Ну, ну...

Она убрала грязную посуду, свернула скатерть, положила ее в нишу в стене и, подойдя к чувалу, достала оттуда рубаху и штаны.

– Вот, получай.

Баллы-мулла оделся, посадил на голову тибетейку и, не сказав больше ни слова, вышел.

Он направился к кузнице, взял там приготовленные утром ножички, завернул их в чистый платок и двинулся в ковроткацкую артель, которая находилась на другом краю села.

Шагая по дороге, бывший мулла размышлял о том, как будет он объясняться с Гюзель, и испытывал при этом немалое волнение.

«Как мне к ней приступить? – думал он. – Может быть, лучше всего для начала выразительно подмигнуть ей? А ну как ей это не понравится? Нет, лучше, пожалуй, здороваясь, хорошенько стиснуть руку. А вдруг она не поймет, что это значит, и обидится? Нет, так тоже не годится. Надо действовать через Огульбике. Эта девушка сметливая, шустрая, она тоже в городе жила, знает все тамошние обычаи. Она и одевается по-городскому...»

Занятый своими думами, кузнец проходил по узенькому переулочку между домами, который упирался в большую дорогу, делившую надвое наш аул. Дорога эта вела в город, и как и ей, шагах в ста от проулка, стоял дом ковроткацкой артели.

На правой стороне проулка, возле дувала, мирно дремала небольшая лохматая собачонка, и Баллы-мулла, который отчаянно боялся собак, опасливо покосившись на лохматого стража, благоразумно свернул к левой стороне.

«Как бы проклятая не укусила!» – подумал он, не сводя исполненного подозрения взора с собачонки и не замечая, что еще более грозная опасность подстерегает его с другой стороны. В воротах дома на левой стороне проулка лежал большой белый пес. Странная фигура, которая бочком пятилась через улицу, все время оглядываясь назад, показалась псу подозрительной, и он солидно тьякнул. От неожиданности и испуга Баллы-мулла пронзительно взвизгнул и бросился бежать, а этого, как известно, терпеть не могут все собаки. Пес прыгнул сзади на Баллы-моллу и отодрал от его рубахи огромный лоскут, после чего, удовлетворившись добытым трофеем, вернулся на место, а Баллы-мулла припустился дальше, даже не заметив с перепугу, какой урон нанесло его костюму это нападение.

– Чтоб твоя собака откусила тебе голову! – кричал он, когда пришел, наконец, в себя и увидел, что преследование окончено. Он надеялся, конечно, что эти слова долетят до хозяина собаки.

– Чтоб твоя собака откусила тебе голову! – кричал он, когда пришел, наконец, в себя и увидел, что преследование окончено. Он надеялся, конечно, что эти слова долетят до хозяина собаки.

Выйдя на большую дорогу, Баллы-мулла снова приосанился, достал из кармана гребенку, расчесал бороду и пошел дальше, высоко подняв голову и выпятив живот. Жаль, что не мог он в эту минуту полюбоваться на себя сзади!

Отворив дверь в ковроткацкую артель, мастер шагнул в комнату, где женщины и девушки работали, склонившись над коврами, и огласил ее громким приветствием:

– Добрый день, красавицы!

– Здравствуйте, Баллы-ага! Ты что-то редко стал к нам захаживать, – отвечали ему. – Нам бы вот ножи поточить не мешало.

Баллы-мулла стоял спиной к двери, и ковровщицы не могли заметить приключившейся с ним беды.

– Зато сегодня я к вам не с пустыми руками явился, – сказал Баллы-мулла, ища глазами Гюзель. – Я принес хорошие ножички.

– Вот за это спасибо, – сказала Огульбике. – Если ты будешь нам почаще помогать, станешь у нас желанным гостем.

– Я теперь с божьей помощью часто буду вас навещать, – торжественно пообещал Баллы-мулла. – Я сегодня видел председателя колхоза, и он мне такое задание дал... – И, наклонившись к пожилой женщине, которая сидела ближе всех к двери, он спросил негромко:

– А где же ваш председатель?

– Она недавно куда-то отлучилась, – последовал ответ.

В эту минуту отворилась дверь, и в мастерскую вошла еще одна молоденькая ковровщица. Сделав два шага, она внезапно замерла на месте, и глаза у нее стали совсем круглыми от удивления. Потом, прикрыв рот рукой, девушка прыснула со смеха. Все ковровщицы, оторвавшись от работы, посмотрели на нее с недоумением.

Баллы-мулла тоже не мог не обратить внимания на этот девичий смех, прозвучавший у него за спиной. Он повернул голову, глянул через плечо, а затем, желая получше рассмотреть смешливую девицу, повернулся к ней.

Тут спина кузнеца Баллы предстала ковровщицам во всей своей красе, и они возвестили об этом таким дружным взрывом хохота, что Баллы-мулла вздрогнул и в полном недоумении снова

обернулся к ним лицом. Во время этих телодвижений лохмотья рубашки болтались у него за спиной, словно ослиные уши, но сам обладатель их все еще ничего не замечал, Однако он уже чувствовал себя неловко и, чтобы скрыть свое замешательство, тоже рассмеялся, вернее выдавил из себя насильственный смешок, как бы давая этим понять, что он понимает причину смеха работниц и готов приобщиться к общему веселью. Все еще хихикая, Баллы-мулла принялся расхаживать по мастерской, а это только подливало масла в огонь и давало повод к новым взрывам хохота... В конце концов смех стал настолько безудержным, что сколь ни был наш Баллы-мулла самодоволен и туп, а догадка о том, что женщины смеются над ним, в конце концов промелькнула у него в голове. Тогда он перестал шагать по мастерской и в недоумении уставился на ковровщиц.

Одна из женщин подошла к нему и взяла его за руку:

– У вас, уважаемый... – начала было она, но не выдержала, снова расхохоталась и не смогла больше вымолвить ни слова.

Тут кузнец Баллы вдруг страшно рассвирепел и от злости стал красный, как свекла. Он взмахнул руками, отчего сверток выскочил у него из-за пазухи и ножички рассыпались по полу. Чтобы их подобрать, он наклонился и только тут впервые заметил, что у него что-то болтается сбоку под руками... Баллы-мулла выпрямился и ощупал свою спину. Испуг и замешательство отразились на его лице...

– Ах, проклятая собака! – пробормотал он и бросился к двери. Ослиные уши колыхнулись последний раз на потеху всем ковровщицам.

Расстояние, отделявшее артель от проулка, Баллы-мулла покрыл с невиданной быстротой и, лишь скользнув в переулок, позволил себе немного отдышаться. С опаской миновав ворота, из которых, когда он шел к артели, выскочила на него собака, он зашагал дальше, ругая на все корки и этого зловредного пса и его хозяина.

Когда кузнец Баллы-мулла вернулся домой, Бибиджамал по его лицу сразу поняла, что с ним случилась какая-то неприятность, а разорванная рубашка досказала ей остальное.

– Кто это тебя так отделал? – спросила она.

– Кто-кто... Собака этого дурака Аннакули.

– Не укусила она тебя?

– Да уж лучше бы укусила проклятая!..

Тут в комнату вбежал сынишка кузнеца и, увидав его разодранную в клочья рубашку, с удивлением спросил:

– Ата, что с тобой?

Этот простодушный вопрос почему-то взбесил Баллы-муллу.

– Убирайся вон, паршивец! Не твое дело!

Бибиджамал мгновенно встала на защиту сына. Нужно сказать, что в то время, как Баллы-мулла путешествовал в ковроткацкую артель, печальная весть о коварных замыслах ее супруга уже успела коснуться слуха Бибиджамал.

– Зачем ты срываешь свою злость на ребенке? – спросила она. – За последнее время ты совсем перестал уделять внимание детям. И вообще ты что-то, как я погляжу, от дома отбился. Все бродишь где-то... Не мудрено, что тебе собаки рубаху порвали. А как придешь домой, так слова доброго от тебя никто не услышит. Сидишь, как истукан.

– Ну ладно, понесла!..

– Нет, не ладно, а я тебе обижать детей не позволю. Одного ноготка на пальце моего ребенка я не променяю ка тебя, Баллы. Я вижу, что тебе на детей наплевать, а я сумею о них позаботиться, вырастить их, поставить на ноги.

– Да ладно, надоело... Мне переодеться надо, давай рубаху.

Бибиджамал вспыхнула:

– Ты на меня не кричи. Пусть тебе твоя будущая невеста подает рубахи.

– Какая такая невеста? Что за вздор? Откуда ты это взяла?

– Неважно, откуда взяла, а только раз на то пошло, так живи себе, как хочешь, а я больше о тебе беспокоиться не намерена. Не стану я тебе ни готовить, ни стирать.

– Нет, ты скажи, кто это тебе наплел? – с тревогой спросил Баллы-мулла.

– Не все ли равно, кто? Люди говорят.

– Врут они. Зачем ты слушаешь!

– Нет Баллы, шила в мешке не утаишь. Уже все село знает о том, что ты собираешься жениться на председательнице ковровой

артели.

– Вранье это. Кто тебе сказал?

– Нет, не вранье. Хаджат сказала у колодца.

– Вот видишь, как она врет. Я ее и в глаза не видал. Склочница твоя Хаджат.

– Вовсе нет, Хаджат никогда не врет. Хаджат услышала это в поле от жены Сапаргельды, а к жене Сапаргельды еще на рассвете, когда она выгоняла корову, примчалась с этим известием жена Аннапилпила... Ну, какие тебе еще нужны доказательства?

– Что ж ты умолкла? Перечисляй дальше! А жене Аннапилпила кто сказал?

– А ей сказал ты!

– Вот и неправда! Я ее даже не видал.

– Да? Ну, подожди! Я вот приведу сейчас сюда жену Аннапилпила...

– Можешь не трудиться. Я все равно с этой сплетницей разговаривать не стану... Все это вранье. А если б было правдой, я бы тебе сам сказал.

Баллы-мулла подошел к чувалу, достав себе рубашку, переоделся и отправился в кузницу.

С этого дня пошел в доме кузнеца разлад. Мысль о Гюзель не оставляла Баллы-муллу, она крепко засела у него в голове и не давала ему покоя. За первой размолвкой с женой последовала вторая, потом третья, и в конце концов Баллы-мулла заявил Бибиджамал, что она ему надоела, и он желает получить свободу.

– Ну, что ж... вот тебе комната, вот тебе одеяло, вот тебе подушка, вот тебе кошма, чайник, пиала... ишак... Живи, как знаешь, а нас не касайся, – сказала Бибиджамал. И Баллы-мулла стал жить на холостом положении. Он начал с того, что начисто сбрил усы и бороду. Затем обзавелся новыми брюками и майкой. А когда услышал, что учитель Чары призывается в армию, исполнился радужных надежд. Тут он купил велосипед и, нацепив на себя майку, которая туго-претуго обтягивала его толстый живот, начал по несколько раз в день кататься мимо окон ковроткацкой артели.

О выходках кузнеца знало уже все село. И стар, и млад – все шутили на его счет. Наш комсорг Мурат, встретив как-то кузнеца

Баллы, сказал ему:

– Здравствуй, бывший мулла. Смотри, это плохо кончится. Уже весь народ над тобой смеется.

Но Баллы-мулла никак не унимался. Он не только ходил в ковроткацкую мастерскую, но стал даже навещать к Гюзель домой. Девушка принимала его вежливо, с почтением, хотя и посмеивалась про себя – очень уж забавный вид был у этого толстяка! А что касается сплетен по его адресу, которые Гюзель не могла не слышать, то она пропускала их мимо ушей. Ей никак не приходило в голову, что все это может быть всерьез, что этот солидный, почтенного возраста человек, да к тому же еще отец семейства, может напустить на себя такую блажь.

Простая, непринужденная манера обхождения Гюзель обезоружила Баллы-муллу, и он всякий раз уходил от нее, так и не открыв ей своих намерений. Вся беседа их сводилась к тому, что кузнец безбожно хвастал и врал, а Гюзель смеялась.

В конце концов Баллы-мулла решил излить свои чувства в письме. Как-то в полдень он закрыл кузницу, пошел домой, затворился у себя в комнате, вырвал из тетради лист бумаги, взял огрызок карандаша и повалился ничком на кошму. Подложив под грудь подушку и посплюнув карандаш, он принялся выводить слова. Подняв всю муть со дна своей души, бывший мулла доверил ее бумаге... Окончив письмо, он глубоко задумался. Потом встал, с решительным видом сунул письмо в карман и вышел из дома.

Разостлав кошму во дворе под тенистым карагачом, Кул-лы пил чай вместе со своей женой Огульбике. Огульбике рассказывала что-то занятное, и Куллы потешался от души.

– Так, так... А что же дальше? – спросил Куллы, когда Огульбике умолкла.

– Ты знаешь, Куллы, по-моему, он какой-то полоумный. У него ведь семья... И вообще, на что такой старик нужен молодой девушке? Как только этот бесстыжий человек не понимает, что над ним все смеются!

Огульбике встала, взяла ложку, подошла к очагу, сложенному во дворе, попробовала, не нужно ли добавить соли в суп, и вернулась на свое место.

– Зря ты не взяла вчера у него эту записку, – сказал Куллы. –

Надо было взять и передать Гюзель – пусть бы она хорошенько пристыдила этого толстопузого... – И Куллы не выдержал и снова рассмеялся.

– Да ну его совсем! Не хочу я с ним связываться, – сказала Огульбике. – Допивай чай, Куллы, сейчас обед подам.

– Подавай обед. Я не хочу больше чаю.

Огульбике убрала чайники и пиалы и поставила на кошму миску с супом.

Когда Куллы и Огульбике кончили обедать, и Огульбике убрала посуду, в воротах, приветствуемый собачьим лаем, показался Баллы-мулла.

– Куллы, смотри, – вполголоса пробормотала Огульбике. – Легок на помине.

– Ну что ж, добро пожаловать, – улыбнулся Куллы.

– Добрый день, – сказал кузнец подходя.

– Спасибо, садись, будь гостем, – подвигаясь, чтобы дать ему место на кошме, пригласил Куллы. – Жаль, что не пришел пораньше, пообедали бы вместе. Говорят, кто к обеду опаздывает, того теща не любит, – пошутил Куллы.

– У меня нет тещи, – молвил Баллы-мулла, снимая калоши и ступая на кошму.

– Ну нет, так будет, – сказал Куллы.

– А может быть, вы поможете мне обзавестись тещей? – слащаво улыбнувшись, спросил Баллы-мулла и поглядел на Огульбике.

– Кому одной тещи мало, тому и двух может не хватить! – огрызнулась Огульбике и, с грохотом опустив грязную посуду в таз, принялась тереть тарелки мочалкой...

– Не слушай ее, – усмехнулся Куллы, – ведь не даром же говорится: «В соли и в девушках недостатка не бывает».

Не иначе, как хотел лукавый Куллы еще больше раззадорить кузнеца такими словами!

– Правильно говоришь, Куллы, – подхватил Баллы-мулла. – А вот твоя жена никак не хочет мне помочь, – покосившись на Огульбике, добавил он и, сняв тибетейку, почесал темя. – Просил я ее передать одну записочку к ним б артель, а она ни в какую – не хочет и не хочет.

– Ты что же это? Руки у тебя отвалятся, что ли, передать

записку? – сурово сдвинув брови, спросил жену Куллы. – А где эта записка? – обратился он к мастеру. – Ты уже передал ее?

– Нет! Записка здесь, со мной.

– Так давай ее мне, я сумею передать не хуже Огульбике. Кому это?

– Вот спасибо, вот спасибо. Передай ее Гюзель.

Вынув из кармана записку, Баллы-мулла отдал ее Куллы.

– Вечером жди ответа, – пообещал Куллы, пряча записку в карман.

Огульбике, не проронив ни слова, унесла перемытую посуду. Потом вышла из дома и, накидывая на ходу шаль, направилась к воротам.

– Постой, постой, Огульбике, – сказал Куллы. – Нужно напоить гостя чаем.

Огульбике молча взяла кундюк, но Баллы-мулла возразил:

– Нет, нет, для меня не беспокойтесь. Я бы с радостью попил с вами чайку, да мой обеденный перерыв кончился, кузницу открывать пора. А то мне уже в правлении колхоза замечание сделали, будто я поздно открываю...

Он встал и начал совать ноги в калоши.

Огульбике поставила на место кундюк и попрощалась с гостем, сказав, что спешит в артель.

Баллы-мулла надел калоши и тоже направился к воротам.

– Так ты с божьей помощью передашь ей эту записку? Прямо в руки? – еще раз переспросил он Куллы.

– Да уж будь спокоен, сделаю все, как нужно, – заверил тот. – А что, разве девушка подала тебе надежду?

Баллы-мулла победоносно поглядел на Куллы.

– Да, друг Куллы, по всему видно, что она совсем не прочь выйти за меня замуж, – самодовольно заявил он. – Все дело во мне. Я, понимаешь, все никак не мог придумать, как бы мне с ней объясниться. Ко вот я написал эту записку, и теперь все выяснится. Получив ее, моя Гюзель скажет: «Наконец-то! Ведь я так давно об этом мечтала! И вот он позвал меня, мой Баллы!»

– Ну, ежели так, то я тем более поспешу доставить ей эту записку, – улыбнулся Куллы.

– Да уж удружи, пожалуйста, – снова попросил Баллы-мулла,

выходя за ворота.

«Уж я тебе «удружу»! Нет, с такого дурака спесь сбить необходимо, – подумал Куллы, глядя ему вслед. – Надо же, про хорошую девушку и такую пакость выдумал – будто она в него влюбилась, мечтает, видите ли, о таком толстопузом! Ну, а если Гюзель и вправду задумала выйти замуж за этого дурака, надо ей помочь – открыть глаза».

Куллы подошел к дувалу, отделявшему его двор от соседского, и крикнул:

– Нязик-эдже!

– Иду! Кто зовет? – отозвалась та. Послышалось шарканье башмаков, и вскоре голова Нязик-эдже показалась над дувалом.

– Ты что, Куллы-джан?

Куллы достал из кармана записку.

– Снеси, пожалуйста, эту записку нашему комсоргу Мурату. Только, смотри, никому не отдавай, прямо ему в руки.

Здесь крылась какая-то тайна, – Нязик-эдже сразу это почуяла. У нее так и чесался язык расспросить Куллы, но она понимала, что это было бы неделикатно. И Нязик-эдже обуздала свое любопытство, утешаясь мыслью: Куллы, вероятно, сам ей что-нибудь потом расскажет.

– Хорошо, Куллы-джан, сейчас снесу.

Нязик-эдже взяла записку, завязала ее в кончик головного платка и отправилась к Мурату. Она отдала ему записку. Мурат прочел ее и задумался. Нязик-эдже уж собралась было идти, но Мурат попросил ее обождать. Он достал с полки ручку и чернила и написал на обороте записки:

«– Товарищ Гюзель! Комсорг колхоза хотел бы знать твое мнение об этом послании. Напиши ответ!»

– Вот, Нязик-эдже, – сказал Мурат, – уж будь добра передай эту записку председателю ковровой артели Гюзель. – И когда Нязик-эдже направилась к двери, Мурат прибавил – слово в слово, как Куллы: – Только, смотри, никому больше не отдавай, передай ей прямо в руки.

– Хорошо, дружок, передам, – сказала Нязик-эдже, дивясь всему этому про себя. – Раз уж взялась носить записки, не идти же на попятный. Если к ночи освобожусь, и то ладно, – пошутила она.

Мурат рассмеялся, а Нязик-эдже снова завязала записку в платок и отправилась в ковровую артель. Теперь ее любопытство было растревожено еще больше, и она всю дорогу укоряла себя за то, что не хватило у нее духа расспросить Куллы. Догадки, одна другой несуразнее, приходили ей на ум.

Придя в мастерскую, Нязик-эдже поздоровалась с ковровщицами, потом отозвала в сторону Гюзель и, придав своему лицу крайне таинственное выражение, развязала кончик платка, вынула оттуда изрядно помятую записку и протянула ее девушке.

Гюзель, недоумевая, взяла записку, развернула и стала читать. Лицо ее вспыхнуло. Она бросила гневный взгляд на Нязик-эдже и продолжала читать дальше. От обиды глаза у нее налились слезами. Потом, перевернув записку, она увидела надпись Мурата, и улыбка тронула ее губы.

– Зайди на минутку ко мне домой, дорогая Нязик-эдже, – сказала Гюзель, – у меня будет к тебе небольшая просьба.

Гюзель жила в соседнем доме, рядом с ковроткацкой мастерской. Введя к себе в комнату Нязик-эдже, она попросила ее присесть, сама тоже села к столу, достала листок бумаги и принялась писать. Нязик-эдже терпеливо ждала: она уже понимала, что ей опять предстоит.

– Вот, дорогая Нязик-эдже, будь так добра, отдай это, пожалуйста, Мурату, – сказала Гюзель, кончив писать и передавая Нязик-эдже две сложенные записки.

– Хорошо, хорошо, – покорно сказала Нязик-эдже, завязывая записки в платок. – Видно, вы сегодня решили определить меня на новую должность.

– Только, пожалуйста, отдай самому Мурату и никому больше не показывай, – сказала ей вслед Гюзель.

Но слова эти сделались уж настолько привычными для слуха Нязик-эдже, что она не обратила на них ни малейшего внимания.

Мурат, получив от Нязик-эдже записки, прочел их одну за другой и сказал весело:

– Ну вот, почтенная Нязик-эдже, теперь все в порядке.

– Значит я могу идти домой, Мурат-джан? Гляди-ка – завечерело. Мурат с улыбкой посмотрел на Нязик-эдже.

– Нет, дорогая Нязик-эдже, я все-таки попрошу тебя выполнить

последнее поручение. – И он протянул ей одну из записок, присланных ему Гюзель. – Будь так добра, передай, пожалуйста, это письмо нашему кузнецу Баллы-мулле.

– Толстопузому? Давай сюда, – сказала Нязик-эдже, уже приготавливая кончик платка. – Передам в собственные руки и никому не покажу!

Баллы-мулла в сумерках стоял на дороге перед кузницей и, подбоченясь, смотрел в сторону ковровой мастерской. Он не заметил Нязик-эдже, которая появилась с другой стороны.

– Добрый вечер, Баллы-ага, – сказала Нязик-эдже, подходя поближе.

Баллы-мулла скосил на нее глаза и ответил, не поворачивая головы:

– А, это ты, Нязик-эдже! Как это тебе, голубушка, пришло в голову подать мне такой глупый совет – обратиться к жене Аннапилпила?

– Ой, о чем ты вспомнил, Баллы-ага! Я уж и позабыла совсем, как это случилось. Смотри лучше сюда, я принесла тебе записку, – сказала Нязик-эдже, развязывая платок.

Баллы-мулла обрадовался, схватил записку и ушел с ней в кузницу, чтобы прочесть ее там без помех.

«Баллы-ага!

Я получила твое письмо. Оно меня поразило. Ты – почтенный человек, отец семейства, а по возрасту годишься мне в отцы. Как могли прийти тебе в голову гнусные мысли? Постыдился бы! Выкинь все это из головы. У меня есть друг, который служит в рядах Советской Армии, чтобы в любую минуту стать на защиту нашей любимой Родины. Я дала ему слово ждать его возвращения. А тебе я могу еще раз сказать только одно: стыдись!

Гюзель.»

Баллы-мулла прочел эти гневные строки и с минуту стоял неподвижно, уставясь в одну точку. Красные отблески горна плясали у него в зрачках. Потом в дикой ярости он разорвал записку на мелкие клочки и бросил в огонь.

Подбежав к растворенной двери, он заорал:

– Пошла отсюда вон, чёртова сплетница!

Но Нязик-эдже уже не было. Вместо нее Баллы-мулла лицом к лицу столкнулся с Муратом.

– Сегодня собрание правления колхоза, Баллы, – сказал Мурат. – И ты тоже должен на нем присутствовать.

Больше Мурат ничего не прибавил и ушел, но и этих слов было достаточно, чтобы вселить великий страх в сердце бывшего муллы. Вся спесь мигом слетела с него. Видно, немало грешков знал за собой Баллы!

«Ну, теперь мне крышка!» – пронеслось у него в голове. Он торопливо перебирал в памяти колхозников, стараясь найти такого, который мог бы за него заступиться, и не находил. Он запер кузницу и решил обойти подряд всех колхозников – сколько успеет до начала собрания.

Поздним вечером кузнец Баллы-мулла вышел из правления колхоза и побрел к себе домой. Если бы в эту ночь была луна, вы бы без труда убедились, что лицо бывшего муллы утратило все свое самодовольство. Вероятно, оно было красным и потным, потому что он ежеминутно отирал рукавом лоб. Баллы-мулла брел, повесив голову, с трудом передвигая ноги, и беспрестанно останавливался. Казалось, он двигается только потому, что кто-то время от времени дает сзади ему пинка.

Войдя в свой дом, Баллы-мулла, вопреки обыкновению последних дней, не направился в свою одинокую комнату, а открыл дверь в другую, где Бибиджамал, уложив спать детей, сидела у огня.

Баллы-мулла переступил порог и, увидав удивленно поднятые брови Бибиджамал, неожиданно рухнул перед ней на колени.

– Ой, прости меня, Бибиджамал! – завопил бывший мулла. – Никого у меня нет на свете, кроме тебя. Я винюсь перед тобой! Ой, я винюсь перед тобой! Не гони меня! Я теперь буду любить тебя и беречь. Как зеницу ока беречь буду!

Так молил и причитал этот жалкий человек, но застывшее от обиды и одиночества сердце Бибиджамал не могло оттаять. Она сказала:

– Нет, Баллы, уходи. Мы были тебе не нужны, а теперь ты нам не нужен. Ты вел себя, как пустоголовый мальчишка, отчего же это ты поумнел вдруг?

Баллы-мулла поднялся на ноги, он молчал, низко опустив голову. Потом подошел к стоявшим рядом детским кроваткам и снова упал на колени, уткнувшись лицом в одеяло.

Ребятишки проснулись. Широко раскрытыми, испуганными глазами они смотрели на мать, словно прося ее простить отцу его вину.

Агахан ДУРДИЕВ.

Перевод Т.Озерской Satiriki hekaýalar